

УДК 821.113.5-312.9
ББК 84(4Нор)-44
П29

Siri Pettersen
ODINSBARN

© Siri Pettersen 2013 by Agreement with Grand Agency

Компьютерный дизайн Р. Фахрутдинова

Петтерсен, Сири.

П29 Потомок Одина / Сири Петтерсен ; [перевод с норвежского Е. Лавринайтис]. — Москва : Эксмо, 2019. — 576 с.

ISBN 978-5-04-105498-4

Человечество — это миф...

Представь, что ты отличаешься от остальных. И у тебя отсутствует нечто, доказывающее принадлежность к этому миру. Нечто столь важное, что без этого ты — пустое место.

ЗАРАЗА.

МИФИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО.

ЧЕЛОВЕК.

Хирка узнает, что она — человек, дитя Одина, бесхвостое создание из иного мира. Таких, как она, в магическом мире Имланда считают гнилью, презирают и боятся. Она отнюдь не избранная и не имеет особых сил, а наоборот — лишена тех магических талантов, которыми владеют все окружающие. На девушку, которая сама не понимает, кто же она такая, начинается охота — кто-то хочет убить Хирку, чтобы сохранить в тайне правду о ней. Но человек — отнюдь не худшее, что могло пройти через врата между мирами.

УДК 821.113.5-312.9
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-04-105498-4

© Лавринайтис Е., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Маме — за жизнь.
Папе — за смерть.
Киму — за всё, что между ними.

И тебе. Тебе, кто всегда читал книги,
о которых другие даже не слышали.
Тебе, странному ученику за последней партией.
Тебе, выросшему в тёмном подвале,
где судьбу решает жребий.
Тебе, кто до сих пор одевается не так, как все.
Тебе, кто всегда немного отличался от остальных
и часто чувствовал, что находится
не в том месте не в то время.
Это твоя книга.

ПРОЛОГ

Торральд вошёл в дом, но дверь позади него не закрылась — снег налетал в дверной проём быстрее, чем он успевал сметать. Тогда он сжал в руках свёрток и навалился на дверь своим весом, как бык. Этого оказалось достаточно, и засов задвинулся. Дома. Теперь он в безопасности.

Медведеподобный имлинг подошёл к оконцу и выглянул на улицу. Если посмотреть в него снаружи, невозможно увидеть, что происходит в доме, особенно в такую погоду. И всё же... Он положил свёрток на стол и закрыл ставни.

Колкаggi. Колкаgg ничего не остановит.

Бабы сплетни! Зачем он Колкаггам? Ему не за что отвечать перед ними! Стоило Торральду подумать об этом, как вся жизнь пронеслась перед его глазами. Заготовки для лекарств, что он продавал без ведома гильдии Совета. Или опа, которой его покупатели обкуривались до смерти.

Чушь! Если чёрные тени явятся, то точно не из-за того, что он торговал безвредными травами в хижине на краю света. Если они явятся, то из-за *неё*...

Торральд устался на свёрток на столе. Урод. Он даже не кричит. Может, уже умер. Это многое упростило бы. Он содрогнулся. Плащ из медвежьего меха был таким толстым, что занимал почти всё пространство комнаты, но даже он не мог защитить его от холода, идущего изнутри. Торральд попытался расшнуровать плащ, но пальцы промёрзли до костей и отказывались слушаться. Тогда замёрший лекарь раздул угли в очаге и поднёс руки к теплу. Снег и лёд таяли, и капли с шипением падали с плаща в огонь.

Проклятый Ульве! Что он искал, размахивая мечом в пьяном угаре? Этого уroda? Конечно, а что же ещё? В любом слу-

чае, это уже не имело значения. Ульве не видел младенца. Он в безопасности.

В безопасности? Ты что, рассудка лишился? Подумай о себе!

Конечно, его жизнь не стоит того, чтобы о ней слагали песни, но он не может взвалить на себя заботу о ребёнке! Во всяком случае, не о таком, как этот. Он знал, что надо сделать.

Торральд достал нож и уставился на уродину. Она спала. Его кулак был больше её головы. Он занёс нож, но тут младенец открыл глаза, зелёные и бесстрашные. Торральд зарычал и вонзил клинок в стол рядом с ребёнком.

— Порождение слеповства! Вот что ты такое! Трупорождённая!

Он схватил кружку и проглотил остатки тёплого пива. Потом он достал ребёнка из одеяла, как подарок из упаковки. Девочка лежала на столе и махала ручками.

В памяти всплыл старинный обычай. Сказки, в которые он не должен верить. И всё же... Торральд надавил большим пальцем на край лезвия, дождался появления крови и капнул её в рот ребёнку. Ничего не произошло. Он выругал себя за глупость. А чего он ждал? Что у неё вырастут клыки?

Слепых не существует!

Торральд опёрся руками о стол и оскалился.

— Что, Шлокна тебя побери, ты здесь делаешь? Ты не призрак и не слепая. Ты просто уродец?

Он перевернул девочку на живот и провёл рукой вдоль позвоночника до того места, где должен был расти хвост. Всевидящий свидетель, он не из тех, кто слушает бабьи сплетни, но этот ребёнок говорит сам за себя. Она не принадлежит к роду Има.

Ты — гниль.

Он посмотрел на свои кулаки так, будто они уже начали гнить.

— Я не могу оставить тебя здесь. Никто не смог бы! — он поднял девочку на вытянутых руках. Ей было всего несколько дней от роду. На голове у неё рос мягкий пушок, который огонь очага окрашивал в медный цвет.

— Я могу убить тебя. Именно так мне и надо бы поступить, чтобы спасти свою шкуру, — но он знал, что не сможет. Понимал ещё когда выкапывал ребёнка из-под снега у каменного

круга. — Ты никогда не скажешь мне спасибо за это, девочка. Тебе предстоит суровая кочевая жизнь. А компанию, получше моей, нетрудно найти под столом в любой пивной.

Девочка улыбнулась беззубым ртом. Он опустил её на стол, твёрдо зная, что делать. Это тяжелее, чем убить, но выбора у него не было. Торральд не мог разъезжать по дорогам с бесхвостой девочкой. Он бросил взгляд на последние капли пива на доньшике кружки, а потом снял с полки шкатулку с дремотником. Травы хватит, чтобы убить такое маленькое существо, поэтому надо действовать осторожно. Торральд опустил щепотку порошка в кружку и разбалтывал, пока жидкость не перестала пениться.

— Ты хоть представляешь себе, сколько стоит дремотник, девочка? — он макнул тряпицу в пиво и приложил ко рту ребёнка. Тот принял её, как женскую грудь. Мужчина подождал, пока глаза найдёныша не стали закрываться, и вытащил нож из стола. Клинок оставил светлую рану на древесине.

Торральд вонзил нож в спину младенца. Девочка закричала. Он закрыл ей рот рукой. Её всхлипывания сотрясали его тело всё то время, что он наносил ей порезы. На одеяло текла кровь, и он испытывал облегчение от того, что это обычная кровь. А чего он ждал? У него что, начинается истерика?

Торральд не останавливался до тех пор, пока порезы внизу спины девочки не стали походить на шрамы от когтей. Ребёнок перестал плакать раньше, чем он ожидал.

— Если кто спросит, твой хвост откусил волк. Слышишь? Волк!

Её глаза закрылись. Внезапно он испугался, что дал ей слишком большую дозу дремотника. Торральд приложил ухо к груди девочки и проверил, правильно ли она дышит, хотя, конечно, кто знает, что такое правильно для уродов.

Проклятый ребёнок! Ты станешь моей погibelью.

Торральд оставил её лежать на столе. Он плотнее укутался в плащ и вышел в снежную бурю. Он шарахался от теней, мелькавших среди замёрзших елей, как перепуганная баба. Но здесь никого не было. Никаких Колкагт. И внезапная смерть не подкарауливала его за углом дома. Пока ещё нет.

Перед ним раскинулся Ульвхейм. Он смотрел на город в последний раз. Потом Торральд вытащил из снега лопату и принялся расчищать дорожку к повозке.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРИМЕРА

Полусгнившую ель повалило ветром, и она мостом перекинулась через расселину Алдьюпа. От ствола большими кусками отваливалась кора, с каждым годом всё больше оголяя его. До другого берега было шагов двадцать. Только храбрая белка могла пробежать по нему, чтобы сократить дорогу, но больше никто.

Хирка не стала прислушиваться к мнению внутреннего голоса и сделала очередной шаг вперёд. Ствол под ней жалобно застонал. Вряд ли ему когда-нибудь доводилось ощущать на себе вес имлинга, к тому же от дерева подозрительно пахло гнилью. Хирка поймала себя на том, что думает о ели по-доброму, как будто её мысли могли помешать дереву стряхнуть её в глубокую горную расселину, где Хирка разобьётся о камни беззаботно бегущей глубоко внизу реки Стридренна.

Я не боюсь.

Она подняла глаза. На стволе прямо перед ней сидел Ветле и скулил, как щенок. Несмотря на то, что ему минуло пятнадцать зим — столько же, сколько и самой Хирке, — он оставался настоящим ребёнком. Голубоглазый паренёк рос, но не взрослел. Ветле полностью доверял окружающим, а вот всего остального боялся. Как же, Шлокна их всех побери, его заманили сюда?

Змеиное отродье! Чтоб их слепые сожрали!

Хулиганы, которые всё это устроили, сидели на твёрдой земле у опушки леса. Хирка чувствовала обжигающие взгляды парней на своей спине. Они мечтают увидеть её падение. Хирка совершенно не собиралась доставлять им такое удовольствие, а вместо этого планировала заработать несколько ссадин на костяшках пальцев после того как всё закончится. Колгрим до

осени не сможет прожевать ничего, кроме жидкого супа. Она сжала вспотевшие кулаки.

В промежутках между всхлипываниями Ветле начал опасно раскачиваться. Хирка сделала пару уверенных шагов вперёд. Под её ногой отломился кусок ветки, она вздрогнула и принялась размахивать руками в разные стороны. Казалось, руки обладают собственной волей и понимают, что Хирке требуется помощь, хотя сама она ещё об этом не догадалась. Надо восстановить равновесие. Кровь тяжело пульсировала в горле у Хирки, коленки дрожали.

— Да ты никак трясешься, бесхвостая?!

За выкриком Колгрима вполне предсказуемо последовал громкий гогот. Смех эхом отразился от каменных стен Алл-дюпы. *Бесхвостая! Бесхвостая! Бесхвостая!*

Хирка выпрямилась. Нельзя поддаваться на провокацию. Пока нельзя.

Ветле был напуган до смерти. Он сидел среди скопища похожих на скелеты веток, которые давно лишились хвои, и плакал навзрыд. Парнишка закрыл лицо руками, как будто не хотел ничего видеть. В руке он сжимал маленькую деревянную лошадку.

— Ветле, это я, Хирка. Пожалуйста, посмотри на меня.

Рыдания прекратились. Ветле взглянул на неё из-под локтя, и его раскрасневшееся лицо расплылось в улыбке. Внезапно Хирка поняла, что только что совершила большую ошибку. Ветле вскочил на ноги и с распростёртыми объятьями потопал к ней навстречу.

— Ветле! Стой!

Но было слишком поздно. Мальчик кинулся на неё, и Хирка потеряла опору, перекувырнулась в воздухе и ухватилась руками за ствол. Ей на спину тяжело приземлился Ветле, выбив из лёгких весь воздух, а его деревянная лошадка упёрлась ей в щёку. Треск ствола не на шутку напугал Хирку.

С верхушек елей взлетели вороны и с карканьем устремились в лес. По доносившимся с разных сторон голосам Колгрима и его дружков Хирка поняла, что компания разбегается. Все без исключения стремились покинуть место преступления, будто поняли, что всё катится в Шлокну. Хирка заорала от злости.

— Ты трус, Колгрим! Слыхал?

Внезапно ей пришло в голову, что никто не станет рассказывать о случившемся и они с Ветле просто бесследно исчезнут из деревни.

— Мёртвый трус! — добавила она. Хирка очень надеялась, что ей удастся осуществить свою угрозу.

Грудь сковало холодом. Ствол начал прогибаться. Верхушка отломилась, и дерево со скрипом поехало вниз по противоположной стене расщелины. Угол наклона ствола увеличивался всё больше и больше.

Ну, ты хочешь жить или умереть?

— Беги, Ветле! Давай!

Невероятным образом до Ветле дошло, в каком критическом положении они находятся, и он полез вперёд. Его колено безжалостно вонзилось Хирке между лопатками, но он умудрился проползти по ней и вскарабкаться вверх по стволу. Хирка крепко-накрепко держалась за дерево. Она зажмурила глаза и стала ждать неизбежного треска. Корни дерева вырвались из грунта и застыли подобно тетиве лука. Ей на голову полетели комья земли и мелкие камни, а потом всё стихло так же внезапно, как и началось.

Хирка открыла глаза. Сперва один, чтобы убедиться, что имеет смысл открывать второй. Корни удерживали ствол. Она висела на еловом стволе и раскачивалась у самой стены расщелины. Ветле прокричал ей сверху:

— Юмар!

Деревянная лошадка пролетела мимо неё в пропасть и с плеском погрузилась в воды Стридренны, где и закончила свои дни. А вот Ветле стоял на твёрдой почве. Он добрался до края обрыва. Чудо Всевидящего, подумала Хирка и чуть было не поверила в его существование, а такое случалось с ней нечасто.

Она медленно подняла глаза. Над головой висели корни ели, похожие на разинутую пасть тролля, обойти их будет практически невозможно. С ладони по руке Хирки текла кровь: надо действовать быстро, пока рана не заболела.

Хирка вынула перочинный нож, всадила его в дерево и полезла вверх к корням. Сухие комья земли валялись ей на лицо,

она мотала головой и пыталась проморгаться. Внезапно Хирка услышала собственный смех.

По крайней мере, хуже уже не будет.

Она обняла ствол ногами и убрала нож в ножны, а потом вытянулась и принялась ощупывать корни. Надо найти опору, уцепиться за что-нибудь.

Вдруг её запястье ухватила сильная рука.

— Дашь мне зарубку, если я вытащу тебя? Всего одну?

Хирка чуть не разжала пальцы. Это сон? Голос... Она узнала голос! Или просто ударилась головой?

Дашь мне зарубку? Нет, это точно он и никто другой.

Ример вернулся!

Конечно, она не слышала его голоса целых три лета, и он стал глубже, чем раньше, но это его голос. Никаких сомнений. Хирка помедлила, прежде чем ответить. Возможно, она всё выдумала. Окружающие говорят, с ней это происходит довольно часто, но о ней вообще говорили много странного.

Что, Шлокна его побери, он здесь делает?

Тёплая рука Римера крепко держала её запястье. Хирка поняла, что невольно разрешила ему принять часть своего веса.

— Ну что, решила? — донеслось сверху.

— Мне не нужна помощь! — ответила она.

— Значит, ты всё ещё полагаешь, что умеешь летать? Или же у тебя имеется другая стратегия для разрешения сложившейся ситуации?

Хирка услышала, как он топнул по корням, и ей в лицо снова посыпались комья земли. Она отвернулась и сплюнула. Думает, что победил. Избалованный предатель! Она рискует жизнью, чтобы спасти Ветле, и тут является он, чтобы заработать зарубку в такой сложной ситуации! Невообразимое ребячество. Отвратительно! Но он помнит...

Хирка прикусила губу, чтобы скрыть улыбку, хотя сейчас никто не видел её лица. Плечи горели. Надо признать, хоть эта мысль была ей ненавистна, что без помощи она не выберется.

— Всё шло прекрасно до тех пор, пока ты не начал попусту тратить моё время. Половина зарубки.

Он рассмеялся глубоким хриплым голосом, чем вызвал по-

ток воспоминаний из тех времён, когда всё было проще. У неё в горле непроизвольно встал ком.

— Ты всегда пытаешься поменять правила во время игры. Одна зарубка, и это моё последнее слово, — сказал Ример.

— Ладно... — выдавила она. — Одна зарубка, если вытянешь меня.

Едва она договорила, как её тело оторвалось от ствола и на какое-то мгновение беспомощно зависло над краем обрыва, а потом её подняли вверх и поставили на твёрдую землю. Ример отпустил руку, и Хирка сделала несколько пробных шагов, чтобы убедиться, что по-прежнему способна находиться в вертикальном положении. Всё прошло лучше, чем можно было ожидать.

Ветле мешком сидел на земле и рассеянно теребил прореху на рукаве рубахи. Ример стоял перед ним, как будто никогда никуда не уезжал.

— Что у тебя болит? — спросил он.

Он был таким же, как прежде. Всегда бил по самому больному месту. Как дикое животное, которому необходимо утвердить своё превосходство и способность вытерпеть больше других.

— Ничего у меня не болит, — ответила Хирка, пряча руку за спину. Возможно, она вся изранена.

Ример поднял Ветле и поставил на ноги. Мальчишка шмыгнул носом. Его хвост висел без движения, как у забитого зверя. Хирка украдкой взглянула на Римера, пока тот ощупывал шею и суставы Ветле в поисках повреждений.

Волосы его стали длиннее с момента их последней встречи, но остались такими же белоснежными. Они лежали между лопатками, перехваченные кожаными ремешками. Пряды покорооче выбились из хвоста и обрамляли осунувшееся лицо. Понятно. Но было и что-то ещё... То, чего она не могла определить. Ример стал двигаться как-то иначе.

И у него появилось оружие.

Взгляд Хирки уцепился за два узких меча в чёрных ножнах, которые крепились к широкому поясному ремню. Ример был одет как воин — в светлую куртку с прорезями с обеих сторон и высоким воротником. Грудь его была перехвачена двумя ши-

рокими кожаными ремнями. Он светлым пятном выделялся на фоне леса, как снежный кот.

Хирка отвела от него глаза. Дурак. Какой смысл являться сюда в таком облачении? Если его продать, можно целую зиму кормить половину деревни Эльверуа.

Ример повернулся к ней, и Хирка разглядела вышивку на левой стороне его груди. Ворон. Хорошо узнаваемое изображение птицы с поднятыми вверх крыльями. Знак Совета. Знак Всевидящего.

В сердце Хирки острым когтём резко и глубоко вонзилась паника.

Всевидящий... Ритуал!

Она похолодела, когда поняла, для чего он здесь.

Нет! Ещё слишком рано! Ещё только лето!

Она посмотрела в его светлые серые глаза. Ример поднял подбородок, но взгляда не отвёл. Ни на дюйм. Он склонил голову и с весёлым любопытством разглядывал её, как будто Хирка — какой-то неведомый зверь.

— Разве ты не рыжей была? — спросил он.

Хирка схватилась за голову, с волос посыпался песок. Она попыталась вытряхнуть его, но пальцы прочно застряли в спутанных рыжих прядях. Глаза Римера блестели как лёд. Это выражение лица было знакомо ей до боли. Детский вызов, который совершенно не соответствовал его нынешнему облачению. Такое выражение появилось на его лице всего на один миг, а потом он снова застыл — посмотрел в другую сторону и вспомнил, кто он.

Приезд Римера предвещал опасность, она чувствовала это каждой клеточкой своего тела. Хирке показалось, что она узнаёт его, но перед её глазами стояли лишь воспоминания. Этот высокий парень уже не был соперником по детским играм, не был другом. Он был сыном могущественной семьи. Он был Римером Ан-Эльдериним. Он был из рода членов Совета.

Просто раньше это не имело значения.

— Я приехал не для того, чтобы остаться. Я буду сопровождать Илюме в Маннфаллу, — произнёс он, подчеркнув дистанцию между ними.

Хирка скрестила руки на груди.